

К НОВОЙ КАРТОГРАФИИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В.Н. ЦАПКИН

Статья представляет собой опыт компаративного исследования, цель которого — построение картографии поля мировой психотерапии. Автор не пытается представить свой анализ как объективное исследование, а, наоборот, подчеркивает его пристрастность, эксплицируя свою методологическую позицию как позицию психоаналитика лакановской ориентации. Под этим углом зрения выявлены основные системообразующие структуры конфликтного многообразия психотерапевтического опыта. Они же выступают как единицы картографического анализа. В центре анализа — ряд основополагающих вопросов. Что такое психотерапия? Возможна ли общая теория психотерапевтического поля? Можно ли создать картографию психотерапевтического мира? Что такое история мировой психотерапии? Чем отличается психоанализ Фрейда от неофрейдизма? Чем отличается психотерапия от психоанализа, с одной стороны, и от психокоррекции, с другой? Каково отношение мировой психотерапии к этике, науке, знанию, истине, мифу? В итоге, в многообразии психотерапевтического опыта автор выявляет три отчетливые структурные единства, которые он обозначает как: фрейдово поле, поле психокоррекции и поле психотерапии.

О чем невозможно говорить,
о том следует молчать.

Людвиг Витгенштейн

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ НОВОЙ КАРТОГРАФИИ ПОЛЯ МИРОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Новая картография... Новая для кого и новая в отношении чего?

Новая — для меня и новая в отношении моих прежних попыток осмыслить «единство и многообразие психотерапевтического опыта» (см.: Цапкин, 1992). Резюмируя смысловую устремленность моих прежних исследований, можно сказать, что они представляли собой попытку использовать психотерапевтические средства по отношению к самой психотерапии. В качестве отправной точки служил следующий тезис: если современная психотерапия, расщепленная на массу враждующих школ и направлений, подобна невротике с диссоциированными

субличностями, слепыми и глухими по отношению друг к другу и пытающимися узурпировать всю полноту власти, то она сама нуждается в психотерапии. Каков же путь к исцелению?

Казалось, что путь к исцелению психотерапии лежит через диалог школ, результатом которого явилось бы создание мета-интегративной теории, то есть некой полифонической, или спектральной метатеории. Имплицитной моделью такого упования, как очевидно, и служит то самое уподобление мировой психотерапии диссоциированному невротичу, к которому мы прибегли выше. В таком случае суть его исцеления сводится к формуле интеграции диссоциированных частей (субличностей), каждая из которых говорит свою правду, однако не всю правду, но лишь часть ее. Путь к истине — исчисление интегральной суммы этих частичных истин.

Занимает ли автор предложенной методологии психотерапевтическую метапозицию? Методология ассимиляции (интеграции) диссоциированных субличностей, с одной стороны, действительно является психотерапевтической универсалией, но это отнюдь не метапозиция по отношению ко всему полю мировой психотерапии. Автор в этом случае принимает юнгианско-гештальтистскую позицию за метапозицию, за Истину всего поля мировой психотерапии.

Важной задачей разработки новой картографии поля мировой психотерапии является, на мой взгляд, преодоление методологических неточностей и двусмысленностей, рефлексия аксиологических предпосылок прежних (в первую очередь, собственных) исканий в области изучения мировой психотерапии. Другими словами, это методологическая самокритика.

В первую очередь, эта критика касается попытки отстаивания систематической метапозиции по отношению к многообразию психотерапевтических школ и направлений, которая нерелексивна по отношению к своим собственным основаниям — к тому, что любая «метапозиция» есть, так или иначе, позиция — не более, чем одна из, но никак не «мета-». Отправным пунктом для методологической реконцептуализации является лакановский тезис о том, что «не существует такой вещи, как метаязык», «не существует Другого Другого». Таким образом, новизна данного исследования связана, прежде всего, с методологическим разоблачением возможности занимать по отношению к полю мировой психотерапии позицию внаходимости. Новая картография разрабатывается с учетом четко рефлекслируемой позиции интерпретатора. И в данном случае это позиция психоаналитика — психоаналитика лакановской ориентации.

Кроме того, для меня принципиальная новизна данного исследования состоит в попытке использовать культурно-историческое значение учения Жака Лакана для осмысления поля мировой психотерапии, а именно опыт лакановского «Возвращения к Фрейду», его особого — диалогического — прочтения Фрейда. Методологическую программу такого прочтения можно выразить формулой «Фрейд contre Фрейд», или в более полном виде: «“Фрейд contre Фрейд” contre Фрейд” contre Фрейд”». Однако еще более полной формулировкой будет: «Фрейд contre Фрейд / мировая культура». Последнюю часть формулы можно расшифровать, например, как: «Фрейд / Соссюр (К. Леви-Стросс, Р.О. Якобсон

и т.д.)», «Фрейд / Платон», «Фрейд / Бл. Августин», «Фрейд / Гегель», «Фрейд / Витгенштейн» и т.д. Именно такое культурно-а-историческое, знаковое опосредствование Фрейда позволило Лакану поставить его в контекст Диалога Большого Времени, в котором Фрейд выступает современником Софокла и Эмиля Бенвениста и беседует не только со своими великими предшественниками, но и с нашими современниками, о которых он ничего не знал. Однако этот диалог — не столько диалог конкретных индивидов, сколько диалог Голосов-Идей. Живая идея в Большом Времени не знает времени (см.: *Бахтин*, 1995, с. 7—9).

Стратегия лакановского прочтения Фрейда исходит из предпосылки, что созданное им учение представляет собой не замкнутую систему, а является принципиально открытым и незавершенным. Эта принципиальная незавершенность учения Фрейда (как и его глубина) связана не только и даже не столько с ответами, которые можно найти в его текстах, сколько с вопросами, которые он ставит. Быть психоаналитиком, согласно Лакану, значит заново пережить открытия Фрейда в собственном опыте и пытаться найти свои ответы на фрейдовские вопросы.

В этой связи будет уместным еще раз, вслед за А. Пузыреем воспользоваться метафорой Борхеса о писателе Пьере Менаре, заново написавшем «Дон Кихота», текст которого полностью, буквально с точностью до запятых, повторяет слово в слово роман Сервантеса (*Пузырей*, 2005, с. 73—75). Можно сказать, что назначение психоаналитика — вновь написать до буквального совпадения текста «Толкование сновидений», которое следует читать не глазами Фрейда, а своими собственными. (Первое доступно — по крайней мере, по теоретическому замыслу реконструктивной герменевтики — только понимающей психологии В. Дильтея, но никак не человеку, «приговоренному к своему времени», коим является любой человек, в отличие от человека «понимающего».)

«Все, что я говорю, следует понимать не как утверждение, а как вопрос», — любил повторять Нильс Бор. Стратегия лакановского прочтения Фрейда — это выявление в его текстах и кристаллизация не столько ответов («Фрейд сказал, что...»), сколько основополагающих вопросов и таким образом — прояснение логики его работ и их смысла. Методология лакановского прочтения Фрейда, как, впрочем, и рекомендуемая Лаканом методология прочтения самого Лакана, была выражена им посредством следующей формулы: «Тот, кто умеет задавать мне вопросы, умеет меня и прочесть». Это высказывание послужило эпиграфом к тексту «Télévision» (*Лакан*, 2000а, с. 5). Применительно к Фрейду, этот тезис можно было бы переформулировать следующим образом: «Только тот может прочитать Фрейда, кто умеет обращаться к нему с вопросами». Таким образом, Лакан был одним из немногих, кто по праву мог сказать: «Я тот, кто прочитал Фрейда», ведь учение Лакана есть не что иное, как продукт его вопрошания, обращенного к Фрейду.

Узнать что-то новое, научиться чему-то новому можно только через непонимание — творческое пере-живание непонимания. Ведь само по себе понимание есть не что иное, как сведение неизвестного к известному. Научиться новому можно только через воздержание от понимания — через вопрос, а не ответ. Вопрос есть понимание непонимания, осознанное, артикулированное непонимание

— таков путь к тому, что было удачно названо Дж. Кришнамурти «свободой от известного». Только воздержание от понимания может служить радикальным средством от угрозы, или даже катастрофы, метафорической деформации, остроумно описанной американским писателем-фантастом Робертом Шекли в романе «Обмен разумов».

В качестве прецедента своего исследования я рассматриваю программу Жака Лакана, сформулированную в 1953 году в его римском докладе, цель которой — «применить психоаналитический метод к сообществу, которое практикует психоаналитический дискурс» (Лакан, 1995, с. 15). Эта программа — неотъемлемый компонент лакановского возвращения к Фрейду. Ее итогом стало прояснение того, что же, собственно, конституирует фрейдовское поле, а также создание того, что можно назвать «картографией фрейдова поля». Ориентируясь не на психобиографический анализ Фрейда и даже не столько на содержание его текстов, сколько на логику отношений значимых элементов созданного им учения, Лакану удалось выявить в мифологии Фрейда безупречные логические структуры. Смысл своего возвращения к Фрейду он сформулировал на XI-ом Семинаре: «Довести работу Фрейда до ее логического конца» (см.: Лакан, 2004, с. 30). Анализ четырех основополагающих понятий психоанализа, проделанный им в ходе этого Семинара, можно рассматривать как структурирование фрейдова поля, если угодно, как путеводитель по нему. Если Лакан дал нам отчетливые ориентиры для картографии фрейдова поля и психоанализа, то смысл настоящего исследования состоит в попытке использовать эти ориентиры с тем, чтобы с их помощью помыслить все поле мировой психотерапии, или поле ψ , как его стали называть во Франции. Поскольку суть любой картографии состоит в том, чтобы объединить нечто подобное в одну группу и отчетливо отделить ее от неподобного, то задача данного исследования — найти не только единство поля мировой психотерапии, но и обособить, разделить, не завуалировать, а наглядно показать его принципиальную расщепленность и обозначить линии расколов. Линии этих расколов и образуют основные контуры картографии поля мировой психотерапии.

Итак, новая картография представляет собой попытку переосмысления основных концептов предметного поля, которое было названо «мировой психотерапией» (Цапкин, 1992). Ее основной целью является переосмысление концепции истории мировой психотерапии и выявление основных (системообразующих) структур конфликтного многообразия психотерапевтического опыта (данные структуры рассматриваются как основные единицы картографического анализа).

Что такое психотерапия? Возможна ли общая теория психотерапевтического поля? Можно ли создать картографию психотерапевтического мира? Что такое история мировой психотерапии? Чем отличается мировая психотерапия от психотерапии? Чем отличается психотерапия от психоанализа? Чем отличается психоанализ Фрейда от неофрейдизма? Чем отличается психотерапия от психокоррекции? Каково отношение мировой психотерапии к науке, знанию, истине, мифу?

ПСИХОТЕРАПИЯ?

Говоря о психотерапии, следует определить, что же я понимаю под этим термином. Вообще, существует ли психотерапия? Например, Жак-Ален Миллер — один из ведущих лакановских аналитиков, утверждает, что Психотерапия не существует. Готов с ним согласиться, если понимать его высказывание как: «La psychotherapie» с перечеркнутым определенным артиклем. Противоречивое многообразие психотерапевтических школ вынуждает нас говорить, скорее, о психотерапиях, чем о Психотерапии. Как можно дать определение того, что не имеет определенного артикля? (О вызове конфликтного многообразия психотерапевтических теорий и практик — см.: *Цапкин*, 1992).

Можно ли создать, подобно постклассической физике, некую единую теорию психотерапевтического поля? Попыткой ответа на этот вопрос является формирование «мировой психотерапии» — дисциплины, в которой, по крайней мере, в дидактических целях предпринимается проба помыслить многообразие школ и направлений психотерапии («психотерапий») в их взаимной диалогической соотнесенности, а психотерапевтическая компаративистика позволяет представить топографию всего этого поля. Психоанализ при этом представляется как одна из его составляющих.

Итак, что же такое психотерапия? Разумеется, это, прежде всего, практика, а всякую практику, пользуясь словами Лакана, можно определить как «некую упорядоченную человеческую деятельность, <...> позволяющую человеку воздействовать на реальное с помощью символического» (*Лакан*, 2004, с. 13). Однако о каком «реальном» в данном случае идет речь? Я имею в виду реальное как «область того, что пребывает вне символизации» и реальное как «невозможное». Таким образом, мы можем определить психотерапию как помощь человеку, находящемуся в ситуации невозможности, помощь пере-жить эту невозможность¹, то есть символизировать этот опыт невозможного, или, перефразируя Л. Витгенштейна, не молчать о том, о чем невозможно говорить (*Витгенштейн*, 1994, с. 73).

Такое определение психотерапии является общим как для поля психотерапии, так и для поля психоанализа (равно фрейдовского и неофрейдистского). Однако оно не может стать всеобщим, поскольку его наверняка отвергнут представители того, что я буду называть полем психокоррекции.

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

История отнюдь не является лишь коллекцией исторических фактов и их хронологией, но есть попытка придания им смысла (см.: *Коллингвуд*, «Идея истории» — *Коллингвуд*, 1980). Всякая попытка построения истории есть интерпретация.

¹ Небезынтересно отметить, что, отталкиваясь от Ж. Лакана, мы пришли, по существу, к формулировке Ф.Е. Василюка, который определил критическую ситуацию как «ситуацию невозможности» (*Василюк*, 1984).

Альфреду Уайтхеду принадлежит утверждение, что история философии есть не что иное, как длинный комментарий к текстам Платона (*Whitehead*, 1969, p. 53). Перефразируя это высказывание, можно сказать, что история психотерапии есть не что иное, как длинный комментарий к наследию Фрейда. Фрейд — Колумб мировой психотерапии. Открытие Фрейда — открытие новой территории, terra incognita. До него ее предсказывали многие, подобно тому, как в астрономии новая звезда нередко предсказывается задолго до ее действительного обнаружения. Истоки психотерапии нетрудно усмотреть в практике первобытных колдунов и шаманов, не говоря уже о великих гипнотических предшественниках Фрейда — от Месмера до Шарко и Бернгейма. О бессознательном размышляли и Г. Лейбниц, и Э. Гартман, и А. Шопенгауэр, и Ф. Ницше и др. Но Фрейд был первым, кто ступил на эту территорию и составил ее карту, основанную на своем собственном путешествии. Он первопроходец и первый сталкер. Говоря о сталкерстве, я имею в виду не только революционные открытия Фрейда, сделанные в психотерапевтической работе с больными истерией, но и его беспрецедентный подвиг самоанализа. В лакановской терминологии, он первым совершил свой проход (*passee*) и засвидетельствовал свой сталкерский опыт «себе подобным».

Однако большая их часть оказалась отнюдь не ему подобными. Они превратили его свидетельство в лжесвидетельство. Сами того не ведая, они бежали от *angst*'а фрейдовской «чумы», старательно воздвигая на месте учения Фрейда безобидный неотрейдисм — «*Freudiana vulgaris*». Начало этой традиции заложили ближайшие ученики Фрейда еще при его жизни, но воистину вселенский и канонический характер она приобрела на американской почве, где оформился ее главный хранитель и выразитель — Международная психоаналитическая ассоциация. По свидетельству К.Г. Юнга, по прибытии в Америку, глядя на ликующую публику, Фрейд обернулся к нему и сказал: «Эти господа, по-видимому, не отдают себе отчета в том, что я привез сюда чуму» (из бесед Жака Лакана с К.Г. Юнгом о Фрейде в Куснахте в 1954 г. — см., напр.: *Roudinesco*, 1997, p. 265). Если Фрейд привез в Америку «чуму», то его ученики, эмигрировавшие в Америку в 30-е годы, привезли с собой потенциально мощное средство «против чумы» под именем Эгопсихология (по иронии судьбы, не без помощи любимой дочери Фрейда — Анны Фрейд) и стали с успехом разрабатывать все более эффективные «противочумные» вакцины. Рецепт прост: где было Оно (*angst*'а фрейдовской чумы), должно стать наше Я (автономное, свободное от конфликтов и адаптированное к реальности, американской реальности). Укрощение Оно оказалось делом не столь уж и трудным. Формула его такова: заменить влечения инстинктами; поставить на место перверзной сексуальности частичных влечений прогрессию стадий психосексуального развития, устремленную к идеалу «генитальной педагогики»; поставить на место фрейдовской «биологии» биологию и зоологию (кому не знакома, по опыту, «внутренняя обезьяна»?); заменить фрейдовскую экономическую (*nota bene*: экономическую без кавычек) «физику» и «энергетику» термодинамикой кипящего чайника. Последней операции, утверждающей торжество разума и науки над мракобесием, торжество анна-фрейдизма над фрейдизмом, споспешествует мотив известной песенки «Кипит наш разум возмущенный...», особенно

ее главная целевая установка «Кто был ничем, тот станет всем» — «Где было Оно, на его место придет настоящий хозяин — «Эго» — «мое Я»!

Таким образом, ниспровергающий характер фрейдовских открытий был, в свою очередь, также ниспровергнут. Фрейдовское «Ес» стало совсем ручным, а сам Фрейд оказался озорником викторианской эпохи и ученым «дедушкой», заснувшим на старомодным сундуке физикалистского и биологического редукционизма. Вполне естественно, что такой Фрейд устаивается, в лучшем случае, лишь самого снисходительного отношения, а прогресс мыслится как критика Фрейда и преодоление его «заблуждений». Это и есть главенствующая, *main-stream*, версия формулы эволюции психоанализа и психотерапии.

Тем не менее сегодня трудно найти психотерапевта, который не согласился бы с тезисом, что история психотерапии начинается с Фрейда, а точкой отсчета следует считать его открытие смысла невротических симптомов. Все, что было до него, следует отнести к предыстории психотерапии.

После лакановского «возвращения к Фрейду» можно сформулировать следующую концепцию истории психоанализа и психотерапии, концепцию их «эволюции»:

1) на уровне теории история (неофрейдистского) психоанализа и психотерапии есть история бегства от «фрейдовской чумы»;

2) на уровне практики история (неофрейдистского) психоанализа и психотерапии есть бегство от психоаналитической аскезы — к симметризации и гуманизации, диадизации и матернализации психоаналитической ситуации.

Подобная концепция истории мировой психотерапии позволяет выявить истинное единство поля мировой психотерапии и рассмотреть общие векторы ее развития. Однако в этом единстве есть и очевидное многообразие.

Все, что следует после Фрейда, вступает в символические отношения с Именем-Отца — *Nom-du-Père*, в том числе и с его «Нет» («Non»). Есть три способа установления с ним отношений, три субъективные базисные позиции по отношению к «Имени-отца»: невроз, перверсия, психоз. Психотерапия соответствует логике невроза, построенного на фундаменте вытеснения. Неофрейдизм соответствует логике перверсии. Ведь все неофрейдистские учения построены на фундаменте фетишизации какого-то отдельного элемента учения Фрейда, а также, начиная с Ш. Ференци и О. Ранка и кончая Д. Винникоттом и Х. Кохутом, матернализации как теории, так и практики психоанализа, представляя собой идеальный образец *père-version*. Что касается психокоррекции, то она зиждется на твердом основании опровержения и научного отвержения Фрейда, то есть на изъятии имени отца — *forclusion* — или логике психоза.

Во избежание недоразумений, следует отметить, что, говоря о логике невроза, логике перверсии и логике психоза, я подчеркиваю слово логика и никак не имею в виду, что представители поля психотерапии являются невротиками, неофрейдисты — первертами, а представители поля психокоррекции — психотиками.

Таким образом, в многообразии психотерапевтического опыта выявляются отчетливые структурные единства, которые можно обозначить как: фрейдово поле, поле неофрейдизма, поле психотерапии и поле психокоррекции.

Неофрейдизм — критика Фрейда, акцентуация одного, частного, элемента, или аспекта, его учения; стремление построить целостную систему за счет гипертрофии части и значительного упрощения — это поле *Freudiana vulgaris*. Забегая вперед, отмечу, что «пространство» неофрейдизма в предлагаемой мною картографии я отношу к полю «психотерапии», поскольку их общим знаменателем является этическая устремленность к целостности личности — в отличие от фрейдова поля. Кроме того, следует пояснить, что выражение *Freudiana vulgaris* несет в себе не оценочные, а, прежде всего, исторические коннотации (по аналогии с выражением *Latina vulgaris*, которое вовсе не предполагает оценочно-снижательной позиции по отношению к итальянскому, испанскому или французскому языкам). Под *Freudiana vulgaris* я подразумеваю не вульгарный психоанализ (например, атомистически-символический подход В. Штекеля), а «классические» школы психоанализа: эго-психологию, кляйновский и бионовский психоанализ; теорию объектных отношений и кохутовскую *Self-Psychology*. Наконец, важно подчеркнуть, что контуры картографии поля мировой психотерапии не являются статичными: они могут изменяться, в зависимости от критерия сопоставления. Так, в частности, по параметру теории, или метапсихологии, некоторые школы неофрейдистского психоанализа могут оказаться стоящими одной ногой во фрейдовом поле, а другой — в поле психотерапии, а по параметру метода американская эго-психология (с ее борьбой, направленной на преодоление сопротивления и переноса) может быть локализована в поле даже не психотерапии, а психокоррекции.

Психотерапия — критика «Фрейда», известная от неофрейдистов. Фрейд ошибочно отождествляется с полем *Freudiana vulgaris*, которое подвергается систематической критике.

Психокоррекция — научное опровержение Фрейда, научное доказательство неэффективности психоанализа (например, исследования Г. Айзенка научно доказывают, что эффективность психоанализа, в отличие от поведенческой терапии, эффективность которой экспериментально подтверждается, не только ниже поведенческой терапии, но и ниже эффективности отсутствия лечения).

ПОЛЕ ПСИХОКОРРЕКЦИИ И ПОЛЕ ПСИХОТЕРАПИИ: ЗАСТАВИТЬ СИМПТОМ ЗАМОЛЧАТЬ И ПОЗВОЛИТЬ СИМПТОМУ ЗАГОВОРИТЬ

В чем же заключается значение открытий Фрейда для мировой психотерапии? Повторю свой тезис о том, что точкой отсчета истории психотерапии следует считать открытие им смысла невротических симптомов.

Суть открытия Фрейдом психотерапии как «*talking cure*» можно сформулировать как создание таких условий в общении между пациентом и психотерапевтом, которые позволили бы симптому заговорить, чтобы снять с симптома печать молчания. «К снятию печати молчания анализ, по сути своей, и сводится... Симптом — это, в первую очередь, немота субъекта, предположительно способного говорить. Если он заговорил, то от немоты этой он, разумеется, исцелился (Лакан, 2004, с. 18). Ведь «удостоверением» симптома можно считать: «когда то,

что субъект не может высказать, он буквально выкрикивает всем своим существом» (Лакан, 1998, с. 411).

Фрейд был первым, кто обосновал экзистенциальную модель психопатологии, обнаружив, что кажущиеся бессмысленными психопатологические симптомы (неврозов, психозов и перверсий) имеют смысл. Начиная с Фрейда, психотерапия представляет собой путешествие в поисках утраченного смысла (симптома). Только смысл надо искать в Другом по отношению к сознанию, точнее, к самосознанию субъекта месте — на Другой сцене — в бессознательном.

Где же находит бессознательный смысл симптома Фрейд? А находит он его в истории субъекта, в его жизненном, экзистенциальном контексте². Симптом есть способ существования прошлого в настоящем. Симптом несет в себе тайную истину субъекта. Однако эта истина, хотя и может его освободить, но едва ли способна принести радость, а точнее, счастье. Задача психотерапии, как писал Фрейд в «Исследованиях истерии», «преобразовать истерическое страдание в обычное человеческое несчастье» (Freud, 1955). Однако здесь и возникает главная проблема: а как можно пережить это обычное человеческое несчастье? Пережить «невозможность» «обычного человеческого несчастья» можно при наличии двух основополагающих условий: мужества и творчества. Мужество необходимо, чтобы выдержать невыносимость правды, устоять перед соблазном сладкоголосой лжи целостности «моего Я» и вынести экзистенциальный удар «невозможности» и «неспособности». Творчество — это то, что позволяет выйти за пределы «невозможности» и «неспособности». Следовательно, цель психотерапии — мужество творческого пере-живания. Или, другими словами, задача психотерапии преобразовать симптом (симптома-врага) в синтом (симптома-партнера).

Такое понимание симптома можно рассматривать в качестве общего знаменателя-универсалии — фрейдова поля, поля неофрейдизма, да и всего поля психотерапии. Это один из немногих локусов психотерапевтического пространства, по поводу которого обнаруживается удивительное единодушие и Фрейда, и Адлера, и Юнга, и Роджерса, и Перлза, и Морено и др. Например, Юнг говорил о симптомах как о пророческих символах: «Мы должны стараться не избавиться от невротического симптома, а проникнуться тем, что он означает, чему он может научить, к чему он устремлен. <...> Не мы излечиваем его, а это он исцеляет нас» (Jung, 1953—1967, p. 170). Такое единодушие психотерапевтов далеко не случайно,

² «Бессознательное — это та глава моей истории, которая отмечена пробелом или обманом, это глава, подвергшаяся цензуре. Однако истину можно восстановить; чаще всего она записана в другом месте, а именно — в памятниках: и одним из них является мое тело, то есть истерическое ядро невроза, где истерический симптом обнаруживает структуру языка и расшифровывается как надпись, которая, будучи однажды прочитана, может быть затем без особого ущерба уничтожена; в архивных документах: к ним относятся воспоминания моего детства, так же не поддающиеся разгадке, как эти документы, пока не знаешь их происхождение; в семантической эволюции: она соответствует моему запасу слов и особенностям их употребления, а также моему жизненному стилю и характеру; в традициях и даже легендах, в которых моя история облекается в героизированные формы; и наконец, в следах искажений, которые возникают при согласовании с соседними главами фальсифицированной главы, чей смысл должен быть восстановлен моим истолкованием» (Лакан, 1995, с. 29) (перевод слегка модифицирован. — В.Ц.).

ведь именно эта позиция по отношению к симптому и является смыслообразующей точкой психотерапевтической практики как таковой. Кроме того, следует особо отметить, что эта позиция является не научной, а этической.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЭТИКА: УЧЕНИЕ О БЛАГЕ

Какой учебник или руководство по психотерапии обходится без главы о психотерапевтической этике? Однако, что же рассматривается в этих главах? Ответ однозначен: в первую очередь вопросы, касающиеся того, чего психотерапевту не следует делать (разглашать тайну пациентов, вступать с ними в интимные отношения и т.п.), — то есть речь идет о психотерапевтической деонтологии, но не об этике. Такое неразличение практически равнозначно отождествлению действия, которое не переступает черту уголовного кодекса, с этическим, нравственным поступком.

Каждая психотерапевтическая теория содержит в себе некое представление о предельных целях, которые организуют в смысловое целое весь ее методический инструментарий. Именно в точке предельной цели, конечного «для чего» или «ради чего» находят свое единство принципы «практики» и «философии», сформулированные Л.С. Выготским. «Метод — значит путь, мы понимаем его как средство познания, но путь во всех точках определен целью, куда он ведет» (1982, с. 388).

Руководствуясь этим телеологическим принципом, мы сможем определить наиболее существенные критерии, различающие психотерапию, психоанализ и психокоррекцию. Другими словами, полезно различить эти виды деятельности не по форме и содержанию, а по предельным целям, организующим их смысловое пространство, подобно тому, как магнит собирает в своем силовом поле металлические опилки в строго определенной конфигурации. Таким локусом, определяющим предельные цели психотерапевтической работы, ее предельные упования является учение о благе субъекта — то есть психотерапевтическая этика, определяющая этическую позицию психотерапевта, — его желание в отношении пациента.

Кажется, что именно в этой этической точке и обнаруживается единство мировой психотерапии. Но, увы, далеко не все ее школы разделяют эту веру в «говорящие симптомы». К примеру, для врача психопатологический симптом — не что иное, как проявление болезни, а болезнь есть враг, который должен быть уничтожен. Симптом, с этой точки зрения, — аномалия той или иной психической функции или поведения. И суть лечения заключается в том, чтобы скорректировать данную аномалию и заставить симптом замолчать. В этом и состоит фундаментальное отличие «медицинской модели» от «экзистенциальной», или «аллопатического» подхода от «гомеопатического» (подробнее о метафоре аллопатии-гомеопатии в психотерапии см.: Цапкин, 1992). В первом случае симптом есть враг, а лечение — война, во втором симптом является партнером, а взаимодействие с ним, скорее, — танцем, чем «лечением-войной». В таком случае целью этих, разных по своему существу, деятельностей в первом случае будет — заставить симптом замолчать, а во втором — позволить ему заговорить. Подходящим тер-

мином для деятельности представителей первой группы является психокоррекция, а для представителей второй группы — психотерапия. Это принципиальное расхождение во взглядах на симптом и позволяет говорить о фундаментальной инаковости деятельности представителей поля психокоррекции и поля психотерапии и начертить на поле мировой психотерапии жирную разделительную черту, расщепляющую ее единство на два принципиально гетерогенных поля.

Рассмотрим термин «психокоррекция». Насколько мне известно, слово «психокоррекция» никогда не употреблялось в своей дифференциально-терминологической функции. В советские годы оно имело чрезвычайно широкое хождение, но в качестве не термина, а эвфемизма, обозначая психотерапевтическую деятельность психолога, который обладал легальным правом заниматься «психо-», но был лишен такового в отношении деятельности, именуемой «терапией»: по логике советских чиновников, этой деятельностью могли заниматься только лица, имеющие медицинский диплом. В наши дни, к счастью, нет больше необходимости в использовании данного эвфемизма, а термин «психотерапия» все больше отвоевывает у медицины монополию на слово «терапия» как синоним «медицинского лечения», возвращая себе свое исконное значение — производное от древнегреческого «*therapeia*» — «забота, уход, попечение». Таким образом, терапевт, например, согласно Р. Лэйнгу, это специалист по сопровождению (см.: *Капра*, 1996, с. 106), а «психотерапия» давно перестала обозначать врачебную деятельность, направленную на борьбу с психическими болезнями. По иронии истории, именно для обозначения этой врачебной деятельности термин «психокоррекция» и представляется самым удачным.

Коррекция означает исправление чего-то неправильного на правильное — исправление нарушений правильного. Так, например, корректор исправляет закравшиеся в текст орфографические и грамматические ошибки. «Ошибками», которые устраняются в медицине, являются симптомы и синдромы (болезней). Лечение — это устранение болезни. Психиатрия как практика является психокоррекцией нарушений психических функций посредством введения в организм корректирующих психофармакологических средств. «Психотерапия» как лечение есть психокоррекция нарушений психических функций посредством психического воздействия. Целью как психиатрии, так и психокоррекции, выступает психическое здоровье. Лечение, как уже говорилось, есть устранение-уничтожение психопатологических симптомов-синдромов. Это и может служить определением психокоррекции. В свою очередь, оно также вытекает из определения психического здоровья. Медицинское определение здоровья может быть только апофатическим: психическое здоровье есть отсутствие психопатологических синдромов.

Однако в медицине имеется еще одно значимое представление — о здоровье как о норме и болезни как аномальном отклонении от нее (подробнее о дихотомии «норма-патология» — см.: *Братусь*, 1988; *Братусь, Розовский, Цапкин*, 1988). В таком случае психокоррекционное лечение можно представить как нормализацию пациента, точнее говоря, нормализацию его психических функций и поведения.

Понятие нормы чрезвычайно важно не только для медицины, но и для психологии и педагогики. Правда, трудно не согласиться с А. Маслоу, который

по этому поводу сказал следующее: «То, что мы называем “нормальным” в психологии, является, в действительности, психопатологией посредственности, настолько недраматичной и так широко распространенной, что мы обычно не замечаем этого» (Maslow, 1968, p. 16).

Следует отметить, что когда речь идет преимущественно об аномалиях поведения, то неизбежно появляется представление о норме — норме психологической или педагогической, а исправление аномалий поведения и является психокоррекцией в самом строгом смысле. Психокоррекция как нормализация и есть одна из важнейших задач педагогики. А для лиц, отклонения в поведении которых приводят к нарушению уголовного кодекса, созданы специальные педагогические исправительно-коррекционные заведения.

Таким образом, те школы и направления «психотерапии», которые существенным образом опираются на представление о ней как о воспитании, являются, по определению, также психокоррекционными практиками.

Таблица 1

Взаимосоотнесение полей психокоррекции и психотерапии

<i>Психокоррекция</i>	<i>Фрейд</i>
1. Цель	Σ
Заставить замолчать	Позволить заговорить
2. Объект	Σ
Враг	Партнер
3. Процесс	Σ
Война	Танец
Объект → Процесс → Результат	Σ Объект → Процесс → Результат
«Аллопатия»	«Гомеопатия»
«Медицинская модель»	«Экзистенциальная модель»
враг → война → уничтожение	партнер → танец → артефакт (творческий продукт — <i>sinthome</i>)
<i>Психокоррекция</i> 1. Психиатрическая, биологическая, психокоррекция — психофармакология 2. Психологическая психокоррекция Гипно-суггестивная и рациональная психотерапия (Льебо, Бернгейм, Дежерин, Дюбуа и др.); Методы аутогенной психической саморегуляции (например, аутогенная тренировка по Шульцу); Эриксоновский гипноз и НЛП; Поведенческая и когнитивно-поведенческая терапия; Мультимодальная терапия А.Лазаруса; Когнитивная терапия; Рационально-эмотивная терапия А.Эллиса; Различные школы проблемно-ориентированной и стратегической краткосрочной терапии (например, школа MRI Бейтсона-Вацлавика); школы системной семейной терапии, основанные на кибернетической методологии.	<i>Психоанализ-Психотерапия</i>

Знак Σ в таблице 1 обозначает *симптом*; отношение к симптому образует парадигматическую разделительную линию, рассекающую поле мировой психотерапии на две разные сферы совершенно иных по отношению друг к другу практик и теорий. Они решают принципиально разные задачи; устремлены к разным предельным целям, которые достигаются различными средствами; исходят из принципиально разных методологий и обращены к совершенно разным адресатам.

Одним из очевидных выводов, вытекающих из этой компаративной таблицы, является бессмысленность проводить сравнительное исследование эффективности различных школ психотерапии, в особенности, если они относятся к разным полям пространства мировой психотерапии.

ПСИХОТЕРАПИЯ VERSUS ПСИХОКОРРЕКЦИЯ: ЭТИКА, ЗНАНИЕ, ИСТИНА

Если этические позиции представителей поля психокоррекции и поля психотерапии столь радикально различаются, то логично предположить, что те же принципиальные различия мы обнаружим и в их представлениях о симптоме. Представители поля психокоррекции рассматривают симптом в его объективной данности, как нечто объективно наблюдаемое и имеющее прямое соответствие с тем, что уже получило научное описание в психиатрических классификациях. Главная задача в таком случае — найти правильное соответствие между наблюдаемым и тем, чему дается описание в указанных классификациях. Для представителей поля психокоррекции симптом в большой степени представляет собой научную проблему, для решения которой следует обратиться к современному научному знанию. В таком случае, лечение будет представлять собой опыт прикладной науки: в случае психиатрического лечения это будет прикладной биохимией, в случае психокоррекционной психотерапии — прикладной психологией.

В этой связи уместно задаться вопросом, какие школы мировой психотерапии можно отнести к сфере прикладной психологии. Вопреки широко распространенному мнению, что психотерапия является прикладной психологией, мы сможем с уверенностью утвердительно ответить на этот вопрос только в отношении некоторых школ, а именно: поведенческой, когнитивно-поведенческой и когнитивной терапии. Наиболее очевидно данное утверждение в случае поведенческой терапии, поскольку психологические закономерности, на которых основываются ее методы, сначала были открыты в психологических лабораториях в экспериментах с мышами, крысами и голубями, и лишь потом были перенесены в практику терапевтической работы с человеком.

Ну, а разве другие школы мировой психотерапии не являются той же прикладной психологией, ведь в каждом учебнике по психологии личности излагаются теории и Фрейда, и Юнга, и ... многих других выдающихся представителей мировой психотерапии? Действительно, каждая школа психотерапии основывается на некоей сумме знаний, имеет свою теорию, которая структурирует практические действия психотерапевта. Однако эти психотерапевтические тео-

рии едва ли можно отнести — в строгом смысле — к психологии, тем более — к психологической науке. Поэтому точнее будет сказать, что практика большинства представителей мировой психотерапии является не прикладной психологией, а прикладной метапсихологией, поскольку основные положения этих теорий научно не верифицируемы и, по большей части, не фальсифицируемы (см.: *Поннер*, 2004; *Притц*, 1999).

В соответствии с представлением о симптоме выбирается и позиция психотерапевта в рамках терапевтических отношений. В поле психокоррекции задача психотерапевта состоит в том, чтобы передать пациенту необходимое правильное знание (в форме инструкции, предписания, как установку, отношение, верование) либо правильные навыки, а задача пациента усвоить их. Психотерапевт в таком случае занимает позицию либо господина-повелителя (в особенности, в суггестивной психотерапии), либо представителя Знания. Именно такие позиции и предписываются медицинской и педагогической моделями лечения.

В этой связи мне вспоминается определение медицинской модели, которое дал канадский психиатр Вивьен Ракофф в прекрасном учебном фильме «Мифы психической болезни» (*Lasry, Pierre*, 1988). Отвечая на вопрос, что такое медицинская модель, он говорит следующее: «Медицинская модель предполагает такую ситуацию, в которой некто, обладающий современными научными знаниями, обращается к страданию — безразлично, психологическому или физическому, — того, кто приходит за помощью. Медицинская модель не означает, что вы точно знаете, как лечить, что вы точно знаете диагноз или, что у вас есть точный план действий. Это есть некая социальная роль, которая использует науку. Сама по себе она не является наукой» (*Lasry, Pierre*, 1988). Отсюда можно вывести следующие тезисы. Чем лечит представитель поля психокоррекции? Знанием. Какую позицию занимает психокорректор в терапевтических отношениях? Позицию знания, или представителя знания.

В той мере, в какой этической задачей представителей поля психотерапии является — позволить симптому заговорить, для них важна не объективная, а субъективная данность симптома. В таком случае поиски соответствий с объективированным описанием симптома отходят на второй план. На передний же — выходит следующая задача: как создать наиболее благоприятные условия для того, чтобы симптом заговорил. При этом, сам симптом предстает как для психотерапевта, так и для пациента в качестве некоего «коана», решение которого нельзя подсмотреть в каком-либо руководстве или справочнике. Можно сказать, что симптом в этом случае выступает, в равной степени и для психотерапевта, и для психоаналитика представителем субъекта, некой его неизреченной истины, а сама психотерапевтическая (или аналитическая) работа представляет собой некий путь к этой субъективной истине пациента.

Соответственно, следует говорить о принципиальном расхождении представлений об истине в поле психокоррекции и поле психотерапии. Если адепты первого устремлены к поиску универсализируемой научной истины или подтверждению оной, то адепты второго заняты поиском уникальной, сингулярной истины конкретного субъекта. Именно этот критерий — отношение к истине — особенно

ярко подчеркивает принципиальные различия этики поля психокоррекции от этики поля психотерапии.

Однако, исходя из этики психотерапии, какую же позицию в рамках терапевтических отношений следует занять психотерапевту, создавая наиболее благоприятные условия для того, чтобы симптом «заговорил», и субъект смог открыть для себя свою субъективную истину, до сего момента остававшуюся скрытой? Такой позицией является, уже упоминавшаяся выше, позиция незнания, или позиция ученого незнания, заимствуя это выражение у Николая Кузанского, немецкого философа и богослова эпохи раннего Возрождения, из его одноименной работы (*Кузанский*, 1979).

На первый взгляд, может показаться, что это утверждение является проекцией на поле психотерапии позиции психоаналитика. Ведь, по крайней мере, Жак Лакан именно так и описывал позицию аналитика, призывая собратьев по цеху воздерживаться от понимания и знания в психоаналитической ситуации. Однако если вспомнить, что истоки позиции ученого незнания следует искать в сократовском «Я знаю только то, что ничего не знаю», в сократической майевтике и, соответственно, в сократовской метафоре позиции «повивальной бабки», которая обрела среди психотерапевтов статус стертой расхожей монеты, то подозрения в проекции, как мне кажется, должны рассеяться.

Кроме того, стоит подумать, какие школы мировой психотерапии соотносимы с полем психотерапии как она мыслится в предлагаемой картографии. Как мне кажется, они распадаются на три группы.

Первую из них представляют школы неопрейдистского психоанализа, уже обозначенные выше. Вторую — различные школы психодинамической психотерапии, исторически ведущие свое происхождение от психоанализа: индивидуальная психология А. Адлера, аналитическая психология К.Г. Юнга, волевая терапия О. Ранка и до психосинтеза Р. Асаджиоли, транзакционного анализа Э. Берна и пр.

Что касается третьей группы, которую представляют различные школы экзистенциально-гуманистической ориентации (от Дазайн-анализа М. Босса до гештальттерапии Ф. Перлза и личностно-центрированной терапии К. Роджерса), то уместно спросить, насколько правомерным будет приписывание им психоаналитической позиции в психотерапевтических отношениях, учитывая, что все они почти без исключения возникли в результате самой радикальной критики как теории, так и практики психоанализа? Однако если задуматься о том, что является общим знаменателем всех этих школ, то ответ очевиден: использование феноменологического подхода. А ведь в таком случае нам едва ли удастся найти более точную формулировку для определения позиции феноменолога, чем та же позиция незнания. Более того, представители феноменологической ориентации отстаивают эту позицию куда более радикально и последовательно, чем многие психоаналитики. Так, руководствуясь данным критерием, можно придти к выводу, что некоторые школы психоанализа пересекают границы поля психокоррекции. Прежде всего, это касается интерпретативного всезнания кляйнианцев и, тем более, представителей эго-психологии, которые занимают в терапевтических отношениях позицию образца для подражания и идентификации.

Субъективная позиция психотерапевта

Психокоррекция	Фрейдово поле	Психотерапия
Субъект знания, знания как силы	Позиция ученого незнания	

ПСИХОТЕРАПИЯ VERSUS ПСИХОКОРРЕКЦИЯ: НАУКА, ДИСКУРС, МИФ

Нередко говорят, что открытия Фрейда знаменовали собой рождение новой парадигмы научной мысли и человеческого опыта. Однако является ли психотерапия наукой? Если да, то в чем ее специфика, в чем отличие от психологии, философии, социологии, медицины и других наук о человеке? Психотерапию можно помыслить как науку о единичном, частном — науку о проблемном, не-тождественном с самим собой субъекте, науку о человеческой субъективности и интерсубъективности. Это наука, которая отвергает всякое заочное знание о субъекте, всякое объективированное знание о нем. Именно этим она принципиально отличается и от медицины, и от психологии. Именно обращенность к проблемному субъекту принципиально отличает поле психотерапии — психоанализа от поля психокоррекции. Ибо психокоррекция адресуется не к проблемному субъекту, а к его проблемному (дефектному) поведению или дефектным психическим функциям. В отличие от естественных наук, психотерапия не способна что-либо точно просчитать и точно предсказать. Она может строить только предположения — это *conjectural science* (*conjecture* — догадка, предположение) о субъекте. Это наука о знании субъекта, о котором он не знает, но может высказать, сам того не ведая!

Кроме того, психотерапию можно помыслить как науку об особом рода языковой практике — науку о *talking cure*, которая вырастает из этой практики и из анализа конкретного единичного случая. Эту науку вслед за Выготским можно назвать «философией практики». Фрейдом она была названа метапсихологией. Этот термин следует понимать не как «над-психологию», а, скорее, как аристотелевское «то, что следует после». В этом, пожалуй, и заключается смысл проекта Фрейда. Его главным упованием было то, что со временем метапсихология превратится из системы мифических представлений в науку. Пришло ли сегодня время этой новой науки, этой новой психологии, которая следует после психологии? Даже попытки в этом направлении немногочисленны.

Во-первых, к числу таких попыток можно отнести устремления К. Юнга превратить «метапсихологию» юнгианского анализа в новонаучную алхимию и новую «мета-психо-физику», если ввести новый термин, означающий: «психология, которая следует после физики». В этом, как мне кажется, и заключался смысл совместного проекта К.Г. Юнга — В. Паули — лауреата Нобелевской премии в области физики (см., например: *Meier*, 2001). В наши дни в лагере юнгианцев и постюнгианцев, пожалуй, только А. Минделл всерьез воспринимает союз психологии и физики и глубоко разрабатывает эту область. Однако мыслит он этот союз самым парадоксальным образом. Исходя из тезиса о том, что 80% утверж-

дений физиков-теоретиков о мире есть их личностная проекция, он исследует базисные законы современной физики как законы психологические. В частности, базисный принцип минимального действия элементарных частиц можно переформулировать в категориях принципа удовольствия (из диалога с А. Минделлом на Московском семинаре в мае 2003 г.).

Во-вторых, к попыткам создания такой новой психологии можно отнести намерение Лакана построить психоаналитическую теорию в соответствии не с идеальной наукой (например, физикой), а в соответствии с идеалом науки (см., например: *Meier*, 1991). Этот проект остался незавершенным, но лакановская топология субъекта действительно позволяет сформулировать многое такое, что принципиально находится по ту сторону слов языка (см.: *Ragland, Milovanovic*, 2004).

Такие сложные отношения психотерапии и психоанализа с наукой могут вызвать только усмешку у представителя «узаконенной» парадигматической науки. Согласно постпопперовским канонам, если теория не верифицируема и не фальсифицируема, то ее нельзя рассматривать в качестве научной. По этим критериям психотерапевтические теории находятся в измерении мифа, а не науки. В лучшем случае, их можно соотнести с гуманитарным знанием — *Human Sciences*, или *Humanities*, или обозначить как предпарадигматическую науку (*Прутц*, 1999).

Совсем иное дело — поле современной психокоррекции. Все школы мировой психотерапии, относящиеся к этому полю, имеют твердые научные основания в поведенческих и когнитивных науках — *Behavioral Sciences*, а также в науке об управлении — кибернетике, а терапевтическую практику готовы рассматривать как прикладную науку.

В таблице 3 представлены отношения поля психокоррекции, фрейдова поля и поля неофрейдизма-психотерапии к науке и мифу. Поле психокоррекции отождествляется с наукой как областью объективирующего знания, в которой люди изучаются, как планеты. «Наука» — область упраздненного субъекта, изучения глазодвигательных реакций глаза, которому не дано увидеть себя.

Если Фрейду не удалось, несмотря на его устремления, учредить психоанализ как новую науку, то ему, безусловно, удалось учредить принципиально новый дискурс, если мыслить дискурс в категориях дискурсивных практик по М. Фуко (*Фуко*, 2004) или в категориях теории Ж. Лакана о четырех дискурсах, понимая его как «социальное взаимодействие (социальную связь), основанное на языке» (*Лакан*, 2000б, с. 234).

Используя понятийный аппарат М.М. Бахтина и М. Бубера применительно к картографии поля мировой психотерапии, можно прийти к следующим выводам:

а) любая психотерапия по сути своей является «*talking cure*» — то есть особого рода разговором, «диалогом», специфика которого определяется позициями участников, где важнейшая — позиция психотерапевта по отношению к знанию;

б) поле психокоррекции можно определить как поле безличного «монолога», поскольку агентом этого разговора является «знание», а функция «другого» в этом разговоре сводится к «усвоению»;

в) поле психотерапии можно определить как поле диалога, который разворачивается между двумя суверенными личностями;

г) фрейдово поле нельзя отнести ни к монологу, ни к диалогу, поскольку диалог возможен между двумя личностями, а в психоанализе личность аналитика вынесена самым радикальным образом за скобки аналитических отношений; кроме того, интерпретации аналитика адресуются к другому не как личности, а как субъекту, поэтому специфику общения психоаналитика и анализанта лучше всего обозначить как аналитический дискурс и выявлять ее в сопоставлении с другими типами дискурсов (см., например, *Lacan, 2007*).

Таблица 3

Отношение поля психокоррекции, фрейдова поля и поля неофрейдизма-психотерапии к науке и мифу

«Наука» = Behavioral Sciences	Фрейдово поле	Human Sciences — «Миф» Психоанализ и его сестры	
Реакция		Критика Фрейда	
Когнитивно-поведенческая терапия и другие формы психокоррекции		Нео-фрейдизм	Психотерапевтическая критика: психодинамическая (от Адлера, Юнга и Ранка до Э. Берна и А. Минделла); экзистенциально-гуманистическая и трансперсональная
«Наука» = Behavioral Sciences	Фрейдово поле	Полифоническая культура МИФ	
Психокоррекция	а	Неофрейдизм — Психотерапия	

Функция мифа — представить все как целое, как Единое. Его главная функция — заштопать дыры Реального, чтобы представить расщепленного субъекта в его предельной полноте и цельности. Во фрейдовом поле субъект представляется в его неискоренимой расщепленности — расщепленности между сознательным и бессознательным, сознательными хотениями и бессознательными желаниями, означающим и означаемым, смыслом симптома и его либидинозной бессмысленной и т.д.

Как можно помыслить «ничтожность» субъекта? Например, как дырку от бублика. Психотерапия пытается заштопать все дыры, чтобы создать целое субъекта, превратив «бублик» в целое кекса или пирога. Спор ведется по поводу наиболее точного целого образа субъекта и способов достижения этой цельности: индивидуации, самоактуализации, аутентичности и т.д. Поле психотерапии есть путь от расщепленности на диссоциированные части — к целостности. В этом отношении все поле психотерапии и неофрейдизма можно назвать полем «гештальттерапии».

Что касается представления о пути к целостности, то оно не чуждо и представителям фрейдова поля. По их мнению, самым эффективным путем к целостности является психоз. Во всех других случаях, повторяюсь, целостность есть сладкая иллюзия «моего Я» — *Мoi*, тогда как субъект, будь то невротический или первертный, неискоренимо расщеплен — в отличие от субъекта психотического.

Все теории психотерапии устремлены (в пределе) к построению целостной системы. Первая из них — система А. Адлера. «Психоанализ никогда не предъявлял претензий на то, чтобы вообще дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека... Теория Адлера с самого начала была системой, чего психоанализ старательно избегал», — писал Фрейд в своих «Очерках психоанализа» (Фрейд, 1998, с. 70). Он действительно самым тщательным образом избегал представления своего учения как завершенной системы. Таковой ее представили неофрейдисты, которые обращались не к вопросам Фрейда, а к его ответам: «Фрейд сказал, что...».

В наименьшей степени и Жак Лакан избегал понимания психоанализа как системы и мировоззрения. Для Фрейда и Лакана психоаналитическое знание было открытым вопросом, а не закрытым ответом. В предисловии к англоязычному изданию Семинара XI Лакан пишет о себе: «Удостоверение говорит мне, что я был рожден. Я отвергаю это удостоверение: я не поэт, а поэма. Поэма, которая еще пишется, даже если она так похожа на субъекта» (Lacan, 1978, p. vii).

Если психотерапевтические системы направлены на заштопывание, залатывание дыр Реального, «дыры» субъекта как ничто, то структурной неизбежностью будет то, что нечто всегда не будет вписываться в систему, всегда найдется нечто, совершенно ускользающее от символизации, — некий остаток, отброс. Этот остаток-отброс и есть главный мотор (двигатель) мифопорождающей машины психотерапии, психотерапевтического *automaton*'а, — главная причина школопорождения. Этот остаток-отброс и есть главная причина устремленности большинства современных психотерапевтов к эклектике и теоретическому интеграционизму. Фрейдово поле и занимает локус этого несимволизируемого отброса-остатка, который был окрещен Лаканом как «объект маленькое *a*», отнесенное им к регистру Реального (см. табл. 3). У Фрейда тоже было свое представление о Реальном, например, когда он говорил о некоей «пуповине» сновидения, которая в принципе не поддается интерпретации. Как следует из таблицы 3, фрейдово поле — пуповина психотерапевтического мира. А Фрейд — симптом психотерапевтического мира. Симптом, который может стать синтомом, симптомом, с которым можно идентифицироваться.

Следует отметить, что во всех вышеприведенных схемах Фрейд, фрейдово поле и симптом (Σ), а также объект (*a*) располагаются в одной и той же позиции, образуют один и тот же локус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различение в картографии мировой психотерапии поля психокоррекции и поля психотерапии носит для меня не оценочный, а логический характер. Оно позволяет дифференцировать в поле мировой психотерапии три различных множества — три различных класса деятельности, которые были выделены на основании компаративного анализа по неким общим критериям. Ситуация вавилонского смешения языков в мировой психотерапии сложилась во многом в результате того, что психотерапевты попали в ловушки слов. Хочется надеяться,

что проведенная в этой статье «логико-лингвистическая терапия» поможет исследователям психотерапии перестать складывать километры с часами, а часы сопоставлять с апельсинами.

Поскольку данная статья носит характер предварительного сообщения, мне пришлось вынести за ее скобки подробный анализ различий, касающихся поля психотерапии и фрейдова поля. Кроме того, я далеко не исчерпал возможности использования теоретических инструментов лакановского психоанализа для психотерапевтической компаративистики. Пока лишь отмечу, что к числу таких наиболее очевидных и перспективных для психотерапевтической компаративистики инструментов относятся лакановский граф желания (именно он и может позволить провести детальный анализ различий между психоанализом фрейдова поля, школами неофрейдистского психоанализа и психотерапией) и лакановская теория четырех дискурсов.

В заключении отмечу, что, возможно, самым отчетливым критерием различия фрейдова поля и поля психотерапии является позиция по отношению... к симптому! Если психотерапевты видят в симптоме только смысл, то представители фрейдова поля видят в нем как смысл (метафору вытесненного), так и бессмыслицу — либидинозную бессмыслицу «замещающего удовлетворения», по Фрейду (Фрейд, 1989), бессмыслицу удовлетворения, находящегося по ту сторону принципа удовольствия, которое воспринимается субъектом как страдание от симптома, что Лакан называет «jouissance» — наслаждением (подробнее об этой дихотомии симптома — см.: Миллер Ж.-А., 2004).

От автора: Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность М.Ю. Страхову за плодотворный разговор, состоявшийся по дороге на первый русско-французский коллоквиум по психоанализу, в результате которого появились отчетливые контуры приводимых в статье компаративных таблиц. — В.Ц.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. В большом времени // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетейя, 1995.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- Братусь Б.С., Розовский И.Я., Цапкин В.Н. Психологические проблемы изучения и коррекции аномалий личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.
- Выготский Л.С. Собр. соч. Т. I. М.: Педагогика, 1982.
- Капра Фр. Уроки мудрости. М.: Изд-во трансперсонального института, 1996.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
- Кузанский Н. Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
- Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 1998.

- Лакан Ж.* Телевидение. М.: Гнозис, 2000а.
- Лакан Ж.* Якобсону // Метафизические исследования. № XIV. 2000б.
- Лакан Ж.* Семинары: книга XI. М.: Гнозис; Логос, 2004.
- Миллер Ж.-А.* Семинар в Барселоне, посвященный лекции Фрейда «Die Wege der Symptombildung» // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 3. С. 147—182.
- Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология // Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Поппер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: Ермак, 2004.
- Притц А.* (ред.). Психотерапия: Новая наука о человеке. М.: Академический проект, 1999.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
- Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998.
- Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2. С. 5—40.
- Freud S.* Studies on Hysteria by Joseph Breuer and Sigmund Freud // S.E. Vol. 2. L: Hogarth Press, 1955.
- Jung C.G.* The Collected Works of C.G.Jung. N.Y.: Pantheon Books, 1953—1967. Vol. 10.
- Lacan J.* The Seminar of Jacques Lacan. Book XI: The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis, ed. J.-A.Miller. N.Y.: Norton, 1978.
- Lacan J.* The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII: The Other Side of Psychoanalysis. N.Y.: Norton, 2007.
- Lasry P.* (director). The Myths of Mental Illness, National Film Board of Canada (NFB), 1988.
- Maslow A.* Toward a Psychology of Being. N.Y., 1968.
- Meier C.A.* (Ed.). Atom and Archetype: The Pauli / Jung Letters, 1932—1958. Princeton University Press, 2001.
- Ragland E., Milovanovic D.* Lacan: Topologically Speaking. N.Y.: The Other Press, 2004.
- Roudinesco E.* Jacques Lacan. N.Y.: Columbia University Press, 1997.
- Whitehead A.N.* Process and Reality. N.Y., 1969.

